

Андрей Новиков

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской (Калининской) области. Окончил в 1990 году Литературный институт им. А. М. Горького, факультет поэзии (семинар В. Кострова). Работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Первая серьезная публикация состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Автор восьми изданных книг.

Чистый четверг

Запретный город

Когда зима поднимет ворот,
Из индевеющих вершин,
Встает с утра запретный город,
Являясь множеством личин

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскую стеною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так на все века —
Река во льду глухонемая
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему чередой полосной
Цехов искристые венцы
Похожи, в смыслах переносных,
На поднебесные дворцы?

...Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

Притихший двор

Притихший двор щекочет привкус гари, грузовика дощатый пылен кузов,
Сосед завозит мебель, благодарен, семейные скрепить покупкой узы.
Он на полу считает фурнитуру, крепеж, сверяя с чертежом фабричным,
И гладит по головке дочку-дуру на кухне, в стойком запахе яичном.

С автобусной подножки вечер прыгнул, считает небо мартовские иды,
В лото играют дети, спины выгнув, копеечной фортуне не завидуй.
Но я — свидетель: есть, однако, ласка, не убежит с топчана день в без-
делье.

На половицах облупилась краска, нет ссор, но нервы явно на пределе.
Да, я — свидетель этих одиночеств, судебных простых и ординарных жизней,
Таких же, как стандартность наших зодчеств, где в старости и праздники
капризней.

Пар из подвала, запах теплотрассы, задворок вид плешив, прямоголен,
Дождь ест сугробы, и критичность массы в несовершенстве мира копит
волю.

Мелодия

Мелодия? Что это было
У лета жаркого внутри?
Под шорох черного винила,
Где оборота тридцать три.

Уйдя в покой полуподвала
Через открытое окно,
Она еще негодовала
И колдовала заодно.

Так ностальгия снова, снова
Заполнит страстно естество.
Как будто выковал подкову
На счастье или торжество.

Как дым витой, где тени робки,
Танцуют страстно по стене,
Она живет в простой коробке,
У радиолы, в глубине.

Чистый четверг

Моеет хозяйка посуду
Жгучей холодной водой,
Спорить сегодня не буду,
Я навсегда молодой.

Легкое платье и шея,
В них недоступная высь,
Так, прикоснуться не смея,
Чувства мои родились.

Знаком невольной аскезы
Полнится кухонный такт,
В памяти привкус железа,
Впрочем, и это не факт.

Жизнь потянулась к восторгу,
Прямо на цыпочках, вверх,
С тенью фрамуги расторгла,
Солнце и чистый четверг.

Дамаск

Жаркий полдень на аркане,
Зноем полнится Дамаск,
Кофе продают в дукане —
Дивных ароматов власть.

Удивляешься, откуда
Суеты внезапный шелк,
Рядом резали верблюда,
Спрятав голову в мешок.
Нож сверкнул, узбекский точно,
Рукоять убрав в рукав,
Всюду колорит восточный,
Дух приправ и терпкость трав.
В них анис араки пьяной
И кружение головы
После крепкого кальяна,
После сладкой пахлавы.
Вот кишки бараньи с рисом
Мне несут — в подарок, мол...
Коврик для намаза вписан
В яркий мозаичный пол.
Толстой пальмы опахало
Освежает, ротозей,
У турецкого вокзала,
Превращенного в музей.
Век назад и прямо в Мекку
Путь лежал к Пророку, но
Турки, прежде покумекав,
Клали шпалы на сукно,
От почтения и страха,
От паломнических грез —
Не тревожить же Аллаха
Будет громкий паровоз?
Принимаю эти нравы,
Прямо под Касьюн-горой
Размотай чалму, как саван,
Усыпи меня, укрой.

Лилипут

Когда прошедшее в отъезде,
А будущее там и тут,
Я встретил ангела в подъезде,
То был из цирка лилипут.

Легка в безвременье прогулка,
Как обозначенная цель.
Курносый нос его, как втулка,
В любую проникает щель.
Зачем пришел в ночные гости,
Тревожный малый человек?
Лишь челюсть щелкает от злости
И жмет в плечах короткий век.
В галошах и слегка поддатый,
Не крылья — вата из пальто.
Молчите, памятные даты,
Поскольку оба мы — никто.
Он улыбается все реже,
Репризы не дадут соврать.
На историческом манеже
Опилки вечно нам жевать.
Да это так, пока мы живы,
Пусть на балу у Сатаны
Заплачет память рыбьим жиром
И вытрет сопли о штаны.